

Отзыв на диссертацию

ТРЕТЬЯКОВОЙ М. Ч.

ВОЕННОПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РЕСПУБЛИКЕ

МАКЕДОНИИ В 2001 г.

Специальность 07.00.03 – «Всеобщая история»

Работа М.Ч.Третьяковой, на мой взгляд, не может оцениваться историками по той простой причине, что она посвящена современным, а не историческим событиям: рассмотрение доходит до 2015 года, и тем самым исторический отрезок не может считаться ни в каком смысле завершенным. Наверно, такая работа может рассматриваться как политологическая, в совете по политическим наукам, или в совете по международным отношениям, но никак не в совете по Всеобщей истории. Слово «история» – от греческого глагола «стоять». То есть – история есть то, что «устоялось», а ситуация в Македонии увы далека от этого определения.

Под статью «горячести» темы и подход автора. Его можно назвать научно-беспристрастным лишь с большой натяжкой. Настоящая наука, даже посвященная исследованию конфликтов, не должна позволять разглядеть, на чьей стороне симпатии исследователя. Диссертант же и не думает скрывать, что ее симпатии целиком на стороне македонцев против албанцев. Формула «так называемого албанского вопроса» (20) показывает, что никакого албанского вопроса, с ее точки зрения, вообще не существует. Соответственно, за одну сторону конфликта автор разговаривает «хорошим» языком, а за другую – «плохим», например, а «список раненых и погибших **защитников государства**. Опубликованы коммюнике ОНА, в которых отражены цели и задачи албанских **боевиков**» (32). Это как «разведчики» против «шпионов»! Македонский официальный дискурс принимается без всякой критики: «Забота партии об албанском национальном меньшинстве лишь возрастала» (62). Открытая пристрастность диссертанта проявляется в оборотах, какие нечасто встретишь в диссертации по истории: «Совет

Национальной Безопасности сделал **неправильную оценку** реального положения дел ...**К сожалению**, македонские власти не были едины по вопросу введения военного положения» (141). «**К сожалению**, македонские руководители пожертвовали судьбой македонского государства» (175) Или «В своей **неконструктивности** они позже пойдут ещё дальше» (164) Автор некритически следует за македонскими военными: например, в бою за Арачиново «албанские боевики в панике вывесили белые флаги» (176) – но в других текстах утверждается, что не вывесили, а только собирались. В любом случае все это слишком напоминает обычный дискурс военных, которым не дали еще повоевать, а то бы они обязательно победили. К таким вещам нужно относиться осторожно и всегда узнавать, что про это думала противоположная сторона и внешние наблюдатели.

Диссертант спорит с фигурантами своего исследования, Например, одного она обвиняет в том, что «для него было важно только сохранение унитарного внешнего характера страны даже ценой отказа от **исторического права** македонского народа на свое собственное национальное государство». (200). Такие речи естественно слышать во внутримакедонской политической дискуссии, а не в научном исследовании, где автору не положено участвовать в полемике на правах ее участника.

Крайне странными выглядят попытки оспорить автохтонность албанского населения на Балканах (28). «Как нам кажется, аргументы об „историческом праве“ албанцев на „исконные албанские земли“ выглядят неубедительными» (45). Интересно, откуда у автора мнение по данному вопросу – неужели она разобралась в реликтах иллирийского языка?

Даже если допустить невероятное, что албанцы НЕ потомки древнего, дославянского иллирийского населения, они уж точно живут на Балканах тысячи лет, они там не в большей степени «понаехавшие», чем сами славяне, которые ведь тоже не автохтоны Балкан, и поэтому присваивать славяно-македонцам какие-то преимущества «исконности» просто смешно.

Важная ошибка автора коренится во фразе «В то время как в ЕС друг за другом отказываются от мультикультурализма, в Македонии остаются верны выбранному пути» (209). Дело в том, что понятие мультикультурализма в Европе прилагается к мигрантам. Никому в Великобритании не пришло бы в голову применить это слово к валлийцам, а в Нидерландах к фризам. Албанцы – не «понаехавшие»! Их нельзя «перестать пускать» – они всегда тут были, и не их вина, что македонцы так мало рожают детей.

Что же следовало делать югославским, а потом и македонским властям? Если, как считает автор, «в результате наивного идейно-политического подхода, а также политики государственного финансирования национальных меньшинств и слаборазвитых регионов, косвенно подпитывался националистический волюнтаризм», (66), то как нужно было себя вести? Альтернатива – это в лучшем случае стерилизация, а в худшем – этническая чистка, ну или уж тогда геноцид.

На протяжении всей работы над нами парит страшный призрак «Великой Албании», а между тем, само албанское государство ни в чем и никогда практически не участвует: мы постоянно видим упоминания об албанцах Косово и Сербии, но ни малейших признаков того, что за их движением стоит государство Албания. Наоборот, Албания как раз является умиротворяющей силой: Мало того, автор даже пишет: «правительство Албании официально не поддерживало действия албанцев в Косове и Македонии, смягчило свою позицию по «албанскому вопросу», стало использовать красивую политическую риторику и стремительно встало на путь европейской интеграции» (118) – замечательно, что язвительное замечание насчет «красивой риторики» подразумевает, что сейчас мы узнаем об истинной grimase албанского руководства – но ничего подобного! Оно как встало, к явному неудовольствию автора, на путь европейской интеграции, так на нем и стоит, но и это его не спасает от подозрительности диссертанта. Постоянно перед нами маячит жупел «создания единого албанского государства на Балканах» (180).

Автору даже в голову не входит проанализировать, почему же, спустя уже столько лет после фактического формирования албанского государства в Косово, оно и не подумало «воссоединиться» со своей исторической родиной. Может быть, не так уж монолитная эта ужасающая сила? Чтобы понять это, нужно было бы выслушать и другую сторону – но голос албанцев практически звучит в работе лишь в переводе, то есть в интерпретации их македонских противников. Достаточно сказать, что в работе, посвященной албанской проблеме, в библиографии фигурируют лишь 12 работ из 245 на албанском языке, да и там 11 – это монографии и лишь одна статья. Это – плохой признак. Закрадывается страшное подозрение, что диссертант дает на них ссылки лишь из вторых рук, а сам не владеет албанским языком. В этом случае мы имеем дело с профессиональной непригодностью, но я надеюсь, что мое подозрение легко будет развеять.

Но вот чего не скроешь – это отсутствия албанской точки зрения. «Все албанские партии использовали создание коалиции для продвижения общеалбанских интересов в стране. (168) – возмущенно пишет диссертант, а какие интересы они должны были бы продвигать? Главный тезис автора – «великоалбанская тема активно живет среди албанских масс в регионе и не знает государственных границ. В этом отношении все албанцы были и есть едины». (139) Диссертант с упреком пишет: «предоставление албанцам «государствообразующего статуса» – только так албанцы понимали достижения «полного равенства» с македонцами» (71), или: «Равноправие понималось исключительно как наличие у албанцев государствообразующего статуса и двунациональный характер государства» (75). Ну а как может еще выглядеть прямое равенство?

Автору почти нечего сказать, кроме умопомрачительной фразы «Албания начинает играть всё более весомую роль, прежде всего, за счет активного использования албанского фактора в решении так называемого албанского национального вопроса» (108). Только очень изредка, мельком вдруг появляются намеки на то, что албанцы не являлись и не являются

нерасчленимой страшной биомассой, что внутри них было есть много различных взглядов и течений. В корявой фразе «албанский политический фактор в стране на тот момент не был единым в оценке происходящего» (147) – содержится важный намек, но он совершенно не получает развития. Автор цитирует первоначальную албанскую декларацию «“Мы, представители непобедимых героев Северной Албании, Эпира и Боснии”» (40), но даже не думает проанализировать, что подразумевали авторы под этими именованиями. Диссертант однажды упоминает, что «Основная часть этнических албанцев в Македонии (80%) делится на две группы: гегы (90%) и тоски (10%)» (12), но ей совершенно не интересно, сыграло ли это какую-либо историческую роль.

Отсутствующая албанская точка зрения прорывается в диссертации лишь случайно, из проговорок. Например, лишь из осуждающего авторского упоминания о требовании «полной секуляризации Конституции», (184) – мы узнаем, что видимо, конституция провозглашала православие государственной религией, и это в поликонфессиональной Македонии.

Только вдруг, между прочим, мы узнаем, что «Судебный совет МТБЮ снял с Л. Бошковского все обвинения, а осудил Тарчуловского на 12 лет тюрьмы. Й. Тарчуловский обвиняется в личной ответственности за планирование и организацию нападения на Люботен, где он командовал полицейскими подразделениями» (177) – но что это было за нападение, нам так и не сообщают. Лишь случайно мы узнаем о «вынесении судебного приговора группе этнических албанцев, обвиненных в причастности к сепаратистской деятельности» (79) – стало быть, не одним только умиротворением занимались македонские власти? Быть может, у албанцев было бы и еще что сказать по этому вопросу, если бы диссертант желала их услышать. Вдруг мы слышим о необходимости «ресоциализации более 50 тысяч политических заключённых (161–162) – но откуда их столько взялось – так и не узнаём.

В югославской войне было много крови и много лжи со всех сторон, но исследователь должен стараться разбираться непредвзято, где правда, а где пропагандистский лозунг. Вот, например, автор пишет о «большом притоке албанских беженцев из Косова, которые спасались от бомбежек НАТО» (114) в 1999 г. – а интересно, албанские беженцы сами тоже считали, что они спасались от НАТО?

Странно, явно взятыми из чужого политического дискурса, звучат слова «Речь идёт об одной специфической особенности македонской демократии: каждая политическая партия на практике преследовала собственные цели» (169) – пожалуй, это отнюдь не специфика Македонии, это специфика парламентской демократии.

Наука интернациональна, она не должна быть заложником политики. Этому критерию научности диссертация явно не отвечает. Вот, к примеру, автор с осуждением пишет: «Албанцы, уже реализовавшие своё право на национальное в рамках Албании, теперь требовали, чтобы Македония стала государством двух народов» (68) – но готова ли она применить это рассуждение к русским на Восточной Украине? Так же ли предосудительно в глазах автора выглядят русские в Эстонии или осетины в Грузии, как албанцы в Македонии? А вот фразу «Естественно, македонские органы власти, политические партии и средства массовой информации на македонском языке провозгласили этот референдум нелегальным и недействительным» (68–69) – готова ли она отнести также и к референдуму в Крыму? Особенно интересно в процитированной фразе слово «естественно»! Или вот: «Идея „Илириды“ была несостоятельной как с политической, так и с правовой точки зрения» (74) – а идея «Русского мира»? Для настоящего ученого национальность участников конфликта не должна играть никакой роли, иначе научной ценности работа не имеет.

Говоря о более мелких претензиях, можно отметить, что диссертация не отредактирована, ср.: «в годы османского правления балканские земли, на которых проживали и албанцы, и славяне, были захвачены турками» (32),

разные ее куски явно переставлялись и перетасовывались без последующего прочтения, отчего более поздние события упоминаются вперед более ранних, об одном и том же сообщается, по несколько раз подряд (ср.: 38). В диссертации огромное количество повторов и пробуксовывания мысли.

Работа написана довольно коряво: достаточно прочесть такие пассажи как «кризис, который выразился в трудностях функционирования политической системы, невозможности принятия властью решений по возникшим проблемам», (3), «оба народа делили одинаковую судьбу нереализованной цели достижения независимости» (45), «великие силы» в смысле «великие державы» (17), «властители войны» (29) вместо «полевые командиры» (свидетельство плохого владения английским языком), «уйти с бесправно занятых территорий» (40), «абдукция тел погибших» (165), «массовая гробница» (178) в смысле массового захоронения, «миссию албанского национализма по унификации всех этнических албанских земель» (46) – в смысле «объединения», «вызывать неприятельских настроений» (62) – в смысле «враждебные», «численность албанцев в республике стала насчитывать» (64), «Декларация имеет декларативный характер» (67), «У мультикультуризма в Македонии нет никаких исторических гипотез..., вопреки утверждениям некоторых тогдашних ключевых политических факторов» (93). Моим фаворитом является фраза “Временно были казнены 31, из которых 6–8 были повторно наняты на работу» (62).

Все эти недочеты можно исправить, а вот концептуальную ангажированность не спрячешь. Она превращает работу из научного исследования в пропагандистскую агитку. На мой взгляд, она не может быть принята к защите.

28 марта 2017

С.А. Иванов, доктор исторических наук

С.А. Иванов
С.А. Иванова удостоверяю

ВЕРНО:

Заведующая кадрами

Александра Куренная

"28" марта 2017 г.